DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

оригинальная статья
УДК 902(571.150)

Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край)

Александр А. Казаков [a, @, ID1]; Сергей М. Ситников [b, ID2]

[a] Барнаульский юридический институт МВД РФ, 656038, России, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49
[b] Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
[@] kaa-2862@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-2652-2002
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-7277-3227

Поступила в редакцию 13.08.2018. Принята к печати 05.02.2019.

Аннотация: Представлена бронзовая бляха, выполненная в пермском зверином стиле методом одностороннего литья, изображающая стоящего на задних лапах крылатого медведя, который положил свои лапы на плечи стоящего мужчины. Изделие является случайной находкой и происходит из северных районов Алтайского края (с. Высокая Грива Панкрушихинского района). Проанализирована сюжетная композиция, отображающая сложное семантическое содержание. Вслед за другими исследователями авторы считают подобные изделия отображением в металлопластике трехчленного строения мира, характерного для народов, находящихся на определенном уровне социального развития и мифа о происхождении народа. Проведенный анализ аналогий как с сопредельных, так и с достаточно отдаленных территорий позволил выдвинуть предположение о наличии различных тотемных животных – первопредков крупных этнических групп у различных финноугорских народов. Для западных территорий, представляющих население, проживающее в европейской части и являющееся финноязычным, характерны изображения хищной птицы в качестве тотемного животного, которое является как первопредком, так и духом-покровителем этнической общности. Для восточных территорий распространения финноугорских народов, проживающих на территории Сибири, в азиатской части, и представляющих угросамодийское население, говорящее на угро-самодийских языках, таким тотемом является медведь. Об этом свидетельствует отсутствие на бляхах, в которых закодированы мифы о происхождении рода, медведей в западных, европейских регионах, и напротив, почти полное отсутствие на подобных бляхах из азиатского региона птиц. Найденное изделие представлено впервые.

Ключевые слова: металлопластика, финноугры, семантика, тотем, медведь, птица, человек

Для цитирования: Казаков А. А., Ситников С. М. Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 20–25. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

Введение

Панкрушихинский район расположен на северо-западе Алтайского края. Несмотря на перспективность археологического изучения (по его территории проходит лента Бурлинского (Алеусского) ленточного бора, который тянется в западном направлении вдоль р. Бурла на 100 км при ширине 6–7 км [1, с. 32]), до настоящего времени этот регион остается слабоизученным. Специалисты с кратковременными разведками посещали его всего 2 раза – в 1982 и 1984 годах. Во время этих обследований В. С. Удодовым было открыто 9 памятников [2], которые поставлены на учет решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 21.05.1991 № 225. На этом археологическое изучение Панкрушихинского района завершилось.

Тем более ценными являются все артефакты, имеющиеся в распоряжении исследователей, происходящие из этих мест. Целью работы является публикация случайной находки, представляющей собой прекрасный экземпляр изделия, выполненного в пермском зверином стиле, фотографию которой передал И. Е. Кадничанский, краевед, житель г. Камень-на-Оби.

Описание бронзовой бляхи

Изделие найдено в 2012 г. в районе с. Высокая Грива Панкрушихинского района на левом берегу р. Бурла,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

в распахе леса-бора, на глубине 80 см. К сожалению, более точного места находки в настоящее время установить не представляется возможным.

Находка представляет собой довольно массивную ажурную бляху со сложной сюжетной композицией (рис.). Бляха изготовлена из бронзы. Выполнена в достаточно сложной технике, совмещающей в себе приемы плоского литья в односторонней форме и объемного полого литья. В технике объемного полого литья выполнена только голова крылатого медведя. Оборотная сторона изделия не обработана, лицевая – гладкая, почти полированная. Невозможность доступа к изделию не позволила опубликовать его рисунок, однако фотография этого предмета, положенного на листок стандартной тетради в клетку, позволяет определить его размеры. Высота изделия – 10,5 см, ширина – 10 см. Толщина определяется только по массивности и составляет порядка 1,5–2 мм.

Рис. Бронзовая бляха из Панкрушихинского района
Fig. Bronze plaque from the Pankrushikhinskiy District

Абрис бляхи представляет собой почти правильный полукруг с выступающей за его пределы головой медведя. Сюжетная композиция достаточно сложна и многопланова. Ее центром является анфасное изображение человека. Ввиду достаточно сильной стилизации некоторых деталей изделия позу человека определить сложно. Хорошо прорисована голова и шея, туловище и руки сильно стилизованы.

Голова имеет сердцевидную форму, что может свидетельствовать о широких скулах изображенного человека. Абрис головы совмещается с линией бровей и носа. Глаза изображены небольшими кругами, под носом хорошо различаются длинные прямые усы, рот обозначен сдвоенным продолговатым углублением сразу под усами. По бокам головы, между глазами и усами, полукругами нарисованы уши. Стилизованные усы на личине человека свидетельствуют о том, что изображен мужчина.

При столь значительной детализации остается незавершенным верх головы. Мы не наблюдаем ни головного убора, ни верхнего абриса головы. Вместо этого на нее как бы насажено либо нагрудное украшение крылатого медведя, либо человек упирается головой в границу между серединным и верхним мирами, которая трактована ложбинкой с ребристыми возвышениями, в ней размещены 12 небольших жемчужинок. Голова переходит в реалистичную шею, которая в свою очередь переходит в сильно стилизованное туловище, оформленное непропорциональным (сильно уменьшенным) по отношению к голове кругом.

Руки человека также сильно стилизованы. Они расположены по бокам туловища и, судя по пальцам, подняты к плечам (находятся на уровне шеи). На каждой руке у человека ложбинками изображено только по 3 пальца. Левая рука отлита более тщательно (возможно, литейная форма для левой руки была выполнена более тщательно?). На ней мы можем проследить, что кисть отделяется от руки небольшой ложбинкой.

Анфасное изображение человека выполнено на груди (туловище) крылатого медведя. Голова крылатого медведя венчает сверху полукруглый абрис бляхи. Выполнена в технике полого объемного литья. Мощная пасть оскалена, полукруглые медвежьи уши насторожены, глаза изображены небольшими кружками. На шее, под правой стороной нижней челюсти, имеется небольшое отверстие, скорее всего, литейный брак.

Крылья медведя оформлены тремя ложбинками с ребристыми возвышениями по краям каждого (картуши), внутри которых находятся небольшие жемчужинки. В верхнем картуше мы насчитываем 5 жемчужинок, в среднем и нижнем – по 7. На каждом крыле имеется по отверстию, расположенному внутри верхних картушей со стороны головы крылатого медведя. Вероятнее

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

всего, отверстия предназначены для подвешивания изделия или его крепления к какой-нибудь основе. Кроме картушей, обозначающих крылья медведя, внутри вписанного в абрис изображения имеется еще 3 картуша, расположенных внизу изделия. Своими нижними концами они упираются в картуш, образующий абрис всего изделия. Верхние концы двух крайних картушей соединены, по-видимому, с туловищем медведя, среднего картуша – с телом человека. Ввиду сильной стилизации можно на уровне гипотезы выдвинуть предположение, что два крайних картуша являются ногами крылатого медведя, средний картуш – ногами человека.

Всю эту композицию объединяет в единое пространство картуш по абрису изделия, в который своими окончаниями упираются картуши, трактующие крылья крылатого медведя, ноги крылатого медведя и ноги человека. Законченность композиции, отделяющую фигуру человека от окружающего пространства, придает картуш, который проходит по шее крылатого медведя и в который упирается голова человека, т.е. фигура человека вписана в ограниченное пространство. Лапы крылатого медведя с 3 пальцами, отделенными двумя углублениями, и пальцы рук человека соприкасаются на уровне шеи человека. Можно предположить, что крылатый медведь положил свои лапы на плечи человека.

Наиболее близкие аналогии публикуемому изделию с сопредельных территорий мы находим в Васюганском кладе [3, с. 229] и в элитном погребении кургана 12 (к. 12) могильника Чердашный Лог 3, только с птицей вместо медведя [4, с. 59], но лапы орла, лежащие на плечах героя, по наблюдениям авторов публикации, имеют по четыре когтя и больше напоминают медвежьи лапы [4, с. 65].

Наиболее реалистичным из рассматриваемых изображений является бляха из элитного погребения к. 12 Чердашного Лога 3. Семантика этой бляхи достаточно подробно проанализирована в публикации Ф. Меца и Л. М. Плетневой [4, с. 65]. По их мнению, она отображает схему трехчленного строения мироздания, широко распространенную практически у всех народов, находящихся на подобной стадии развития. Хорошая проработка деталей этой бляхи, реалистичность элементов позволяют говорить, что граница нижнего мира ограничивается двухголовым змеем, который ассоциируется с подземным миром. Птица своими крыльями олицетворяет верхний мир. Если крылья крылатого медведя, оформленные картушами, в рассматриваемом изделии у нас ограничивают границы среднего мира, то картуш, который является абрисом изделия и ограничивает пространство среднего мира снизу, можно трактовать как представителя нижнего мира – змея или ящера. Средний мир является вместилищем человека, который в рассматриваемом изделии упирается своей головой в границу верхнего мира, а своими ногами – в границу нижнего мира. Таким образом, все миры – нижний, средний и высший – тесно между собой взаимосвязаны, и взаимосвязь эту обеспечивает человек.

Подобная схема воспроизведена на всех трех рассматриваемых бляхах, она встречается и на многих других, о чем уже довольно много сказано в литературе, поэтому мы не будем на этом подробно останавливаться. Подобного рода сакральные предметы свидетельствуют о человеке как связующем звене между мирами.

Сформулированная Л. В. Панкратовой гипотеза, согласно которой «образы, участвующие в создании синкретического крылатого персонажа, а также геральдическая структура композиций указывают на семантическую связь поделок с мифологемой мирового древа» [5, с. 259], подтверждает выдвинутые положения.

По вопросу о функциональном назначении подобных предметов мы придерживаемся точки зрения исследователей, считающих их закодированным мифом о происхождении народа [6, с. 60]. Л. С. Грибова вполне обоснованно считает их родовыми, фратриальными и племенными знаками [7, с. 115]. Этой же точки зрения придерживается М. В. Богданов [8, с. 165], считающий, что подобные бляхи не являются индивидуальными амулетами-оберегами, а представляют из себя родовой фетиш [8, с. 168]. На огромную роль медведя в системе верований сибирских народов указывал и М. Ф. Косарев, полагая, что этот зверь вполне мог выступать тотемом, «кровным предком и представителем рода» [9, с. 184].

Не вдаваясь в тонкости дальнейших семантических трактовок изображения, о которых уже достаточно много написано, вслед за Л. М. Плетневой и А. Д. Гаманом хочется отметить, что находка самого подробного и реалистичного изображения в погребении воина к. 12 Чердашного Лога 3 позволяет им выдвинуть гипотезу, касающуюся социальной организации общества, в котором эти изображения были распространены, а именно о слитности функций воина высокого ранга и духовного лица [6, с. 61].

Эта гипотеза подтверждается и результатом исследований Л. В. Панкратовой, которая на основании анализа иконографических типов кулайской металлопластики полагает, что «образ стоящего на задних лапах медведя... служит элементом костюма воина» [10, с. 250], а «крылатых медведей – эмблемой религиозных лидеров (возможно, "шаманствующих" лиц)» [10, с. 251].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

Заключение

Подтверждением точки зрения о функциональном назначении подобных изделий как родовых фетишей, запечатленных в бронзе мифах о происхождении рода (в широком смысле этого слова – как кровнородственной общности) является следующее наблюдение. Фигурки птиц с антропоморфным изображением на груди известны в древностях ванвиздинской культуры [11], локализованной в Вычегодском крае и районах верхнего течения Мезени, верхнего и среднего течения Печоры (IV–VIII вв.) [11, с. 116, 120], родановской культуры [12] верхнего Прикамья (IX–XV вв.) [12, с. 153], соотносимых с прикамскими финнами. Несмотря на большую представительность коллекции металлопластики (1083 изделия!)[1], в которой собраны и случайные находки, и вещи из частных коллекций, в фотогалерее пермского звериного стиля не встречено ни одного крылатого медведя (из 79 изображений медведя) или птицы с медвежьими признаками (из 89 изображений птиц). Этот регион в I тысячелетии населяли поволжско-финские и пропермские финноязычные племена [13, с. 6, 8–9].

Напротив, в сибирских древностях, связанных с праобско-угорскими и самодийскими племенами, мы наблюдаем несколько иную картину. Изображения птиц с антропоморфным изображением на груди здесь встречаются крайне редко, несмотря на то, что орнитоморфных изображений достаточно много и орнитоморфная металлопластика распространена достаточно широко. Вместо птиц мы видим крылатого медведя с изображением антропоморфа на груди. Об этом свидетельствует отсутствие на изображениях клюва (вместо него медвежья пасть) и медвежьи закругленные уши [14; 15; 16, с. 106; 3, с. 229; 17, с. 162]. Это связано, на наш взгляд, с различной семантической нагрузкой этих изделий.

И те, и другие являются родовыми фетишами, в которых отображается миф о происхождении рода. Наряду с большим сходством сюжетной композиции, отражающей мировоззренческие взгляды древнего населения, связанные с представлением о трехчленном строении мира и человеком как проводником между мирами, эти изделия отражают и сохраняют память о тотеме – первопредке, хранителе-покровителе этнического образования (народности, племени или рода). Одни в верхний мир, в котором обитают первопредки-покровители, помещают птиц, другие – медведей. Это лишний раз подтверждает смысловую нагрузку подобных изделий как запечатленного изобразительными средствами в металлопластике мифа о происхождении рода-племени. В одном случае тотемом-первопредком (племена волго-камско-пермского финноязычного региона) является хищная птица, в другом (обско-иртышском (кулайско-релкинско-потчевашском) угро-самодийскоязычном регионе) – медведь.

Вслед за В. А. Могильниковым, который подобную фигурку из васюганского клада на основании датировки поясных накладок, являющихся одним комплексом с кладом, датирует VII в. [3, с. 230], и Л. М. Плетнёвой и А. Д. Гаманом, датирующих к. 12 могильника Чердашный Лог 3, в погребении которого встречена подобная бляха, VI–VII вв. [5, с. 60], мы предлагаем датировку публикуемого изделия VI–VII вв.

Благодарности

Выражаем благодарность краеведу Ивану Егоровичу Кадничанскому (г. Камень-на-Оби) за фотографию бронзовой бляхи из Панкрушихинского района, переданную авторам статьи.

Литература

1. Хрусталева И. А. Растительный покров Бурлинского ленточного бора // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2008. № 8. С. 32–35.
2. Кирюшин Ю. Ф., Удодов В. С., Шамшин А. Б. Панкрушихинский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул: Каменская типография, 1990. С. 88–91.
3. Могильников В. А. Васюганский клад // Советская археология. 1964. № 2. С. 227–231.
4. Мец Ф., Плетнёва Л. М. О бронзовой бляхе из могильника Чердашный Лог 3 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2. С. 59–71.
5. Панкратова Л. В. Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 259–265.
6. Плетнёва Л. М., Гаман А. Д. Элитное погребение из кургана № 12 могильника Чердашный Лог-III // Теория и практика археологических исследований. 2007. № 3. С. 56–62.
7. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.

[1] Uralistica. Режим доступа: http://uralistica.com (дата обращения: 10.07.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

8. Богданов М. В. Художественные особенности фигурки крылатого медведя из Васюганского клада (опыт семантической дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 163–169.
9. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 248 с.
10. Панкратова Л. В. О возможных истоках иконографии образа медведя в кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 247–254.
11. Розенфельдт Р. Л. Ванвиздинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 116–122.
12. Розенфельдт Р. Л. Коми-пермяцкие племена в IX–XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 153–163.
13. Седов В. В. Введение // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 5–11.
14. Могильников В. А. Потчевашская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 183–193.
15. Могильников В. А. Рёлкинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 216–232.
16. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
17. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

A Medieval Repoussage Item from Pankrushikhinskiy District (Altai Krai)

Aleksander A. Kazakov [a, @, ID1]; Sergey M. Sitnikov [b, ID2]

[a] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 49, Chkalov St., Barnaul, Russia, 656038
[b] Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049
[@] kaa-2862@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-2652-2002
[ID2] https://orcid.org/ 0000-0002-7277-3227

Received 13.08.2018. Accepted 05.02.2019.

Abstract: The paper describes a bronze plaque, made in Perm animal style by method of one-side casting. It depicts a rampant winged bear with its paws on the shoulders of a standing man. Being an accidental finding, the plaque comes from the northern regions of the Altai Territory (the village of Vysokaya Griva, Pankrushikhinskiy District). The paper features its composition and plot, which has a complex semantic content. Following other researchers, the authors consider such products a metal reflection of the three-part world structure, characteristic for the peoples at a certain level of social development, and a myth about the origin of the people. A comparative analysis with both neighboring and quite remote areas made it possible to assume that there were different totem animals, ancestors of the major ethnic groups of different Finno-Ugrian peoples. Thus, a bird of prey was the most typical totem animal for the western territories representing a Finnish-speaking population that lived in the European part of Russia. The bird was both the ancestor and the guardian spirit of the ethnic group. A bear was the totem for the eastern territories of the Finno-Ugrian peoples living in Siberia, in the Asian Russia, that represented the Ugrian-Samoyedic population. It is evidenced by the absence of bears on the plaques with encoded myths about the origin of the kindred in Western European regions, and on the contrary, a practically complete absence of birds on similar plaques in the Asian regions. The finding is published for the first time.

Keywords: repoussage, Finno-Ugrians, semantics, totem, bear, bird, human being

For citation: Kazakov A. A., Sitnikov S. M. A Medieval Repoussage Item from Pankrushikhinskiy District (Altai Krai). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 20–25. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

References

1. Khrustalyova I. A. Vegetation cover of the Burlinskiy belt pine forest. *Bulletin of Altai State Agricultural University*, 2008, (8): 32–35. (In Russ.)
2. Kiryushin Yu. F., Udodov V. S., Shamshin A. B. Pankrushikhinskiy district. Archaeological monuments. *Monuments of history and culture of North-Western Altai*. Barnaul: Kamenskaia tipografiia, 1990, 88–91. (In Russ.)
3. Mogilnikov V. A. The Vasyugan treasure. *Sovetskaia archeologiia*, 1964, (2): 227–231. (In Russ.)
4. Mez F. I., Pletneva L. M. The bronze buckle from the Cherdashny Log III burial mound. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, (2): 59–71. (In Russ.)
5. Pankratova L. V. Iconography of birdlike images with spread wings in Kulai repousse. *Tomsk State University Journal of History*, 2013, (3): 259–265. (In Russ.)
6. Pletneva L. M., Gaman A. D. Elite burial from mound No. 12 of burial Cerdashnyi Log-III. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2007, (3): 56–62. (In Russ.)
7. Gribova L. S. *Perm animal style (problems of semantics)*. Moscow: Nauka, 1975, 148. (In Russ.)
8. Bogdanov M. V. Artistic features of the figure of a winged bear from the Vasyugan buried treasure (an Attempt of semantic decoding). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2008, (2): 163–169. (In Russ.)
9. Kosarev M. F. *Western Siberia in ancient times*. Moscow: Nauka, 1984, 248. (In Russ.)
10. Pankratova L. V. Possible origins of the bear image iconography in the Kulai repoussage. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, (9): 247–254. (In Russ.)
11. Rosenfeldt R. L. *Vanvizdinskaya culture. Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 116–122. (In Russ.)
12. Rosenfeldt R. L. Komi-Permian tribes in IX–XI centuries. Rodanovskaya culture. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 153–163. (In Russ.)
13. Sedov V. V. Introduction. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 5–11. (In Russ.)
14. Mogilnikov V. A. Potchevashskaya culture. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 183–193. (In Russ.)
15. Mogilnikov V. A. Ryolkinskaya culture. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 216–232. (In Russ.)
16. Troitskaya T. N., Novikov A. V. *Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998, 152. (In Russ.)
17. Chindina L. A. *History of the Middle Ob in early middle ages (Ryolkinskaya culture)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991, 184. (In Russ.)